

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

НАЙТИ СОТЬ

...Свой новый роман Леонид Леонов писал так споро и уверенно, что слово, казалось, само рвалось на бумагу. «В те сроки, — вспоминает автор, — без отрыва сидел за столом, по-азиатски, по 12 часов в день — работал». Сроки были действительно сжатые: «Соть» написана менее чем за год. События торопили молодого писателя (в 1929 году ему исполнилось всего лишь 30 лет), начиналась коллективизация деревни, а Леонов писал о ее канунах, о том времени, когда уже «непосильно стало крестьянствовать по стародавним заветам, а новых не было пока».

Пока... Но уже начали греметь ударные стройки первой пятилетки. Их возводили в основном бывшие крестьяне: «Они несли тяжкие мужицкие раздумья и великие надежды...». И хотя эту фразу Леонов впоследствии снял из «Соти», но она резко очерчивала свое время — эпоху великой перестройки.

Принято думать, что материал, легший в основу романа, был для самого автора новым, малоизвестным. Доля правды в таких утверждениях есть. Впервые Леонов (к тому времени написавший «Барсуков» и «Вора») выезжал на «место», смотрел, слушал, изучал... Позднее такая работа станет его правилом. Но в романе «Соть» нам важен не сам объект действия, а та стихия, которая привела к жизни дремавшие доселе силы, их эпический размах, их хватку в созидательной работе. Был ли сам автор с ней хорошо знаком?

Родословная Леонида Леонова насчитывает несколько поколений. Он цепко хранит память о ней. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» сразу после выхода романа «Соть» он подчеркнул: «Я выходец из крестьянской семьи». На самом деле писатель смотрел на свое происхождение как бы через два поколения — уже его деды Леон Леонович Леснов и Петр Васильевич Петров накрепко осели в городе, сохранив, правда, стиль и привычки сельских жителей. В среде зарядьевских купцов они выделялись яркой оригинальностью и недюжинной силой. «Укоренение» на новой почве произошло быстро: оба деды были крепкими работниками. К тому времени сохранились и их «родовые гнезда» — леоновское в деревне Полухино Калужской губернии, а петровское в деревне Ескино — Ярославской. Кстати, недалеко от Полухины еще можно найти ту «узкую горловину», из которой бьет родничок, описанный в знаменитой сцене «Русского леса», а в пяти километрах от Ескина течет скромная речушка Соть. Та ли?..

...Путь предстоял неблизкий: через Ярославль на Любим, а затем на пригородном поезде Буй-Данилов до станции Жарок. Пять-шесть километров пешком по глухому тракту, за одним из поворотов дороги покажется белый столб колокольни, первый порядок изб на косогоре. Ескино.

Далее мы воспользуемся одним из отрывочных рассказов самого писателя, записанном с его слов критиком Е. Стариковой: «Над рабочим столом А. М. висит старинный, маслом, портрет стриженного в скобку мужика в поддевке. Это прапрадед писателя с материнской стороны, первый в роду откупившийся на волю крепостной крестьянин Ярославской губернии Васи-

лий Дорофеевич Петров». Об отце этого старика, Дорофее Ивановиче Петрове, А. М. Леонову довелось в 1926 году в деревне Ескино во время работы над «Вором» слышать от старух рассказ...». Прервем цитату, чтобы поближе познакомиться с самой деревней.

Ескино, как сейчас принято говорить, неперспективно. С десяток изб (есть среди них и двухэтажные, срубленные на века), небольшой пруд посередине деревни, разбитая техникой дорога, но самое главное — далекозато: от путей асфальтовых и железных, от центральной усадьбы колхоза, от школы, от магазина, от всего мира. И правда, деревня как-то несурзано поставлена — и река неблизко, и поля негусто, и леса мелкорослые, болотистые.

Один из рьяных «ниспровергателей» Ескина, директор местного интерната Николай Иванович (а по возрасту просто Коля) Пакин на все мои расспросы, чем же живут в десяти дворах деревни, недовольно бубнил: «В свои огороды зарылись...». Коля по своему праву: учит-то ему почти некого — в третьем классе одна девочка, в пятом — двое, а всех вместе не насчитаешь и с два десятка. Но о том, что деревня связана с родом Леоновых, знают все.

Не без гордости тот же Коля указал на березки, приметные на широкой луговине, — там, мол, и стоял петровский дом. А когда снесли, как там жили — того сказать не может. Он — из приезжих. Есть в Нижнем Жаре старичок Николай Николаевич Корнилов, тот знает.

И вот я сижу в небольшой избе, выходящей окнами на саму Соть. О Петровых Николай Николаевич тоже помнит плохо. А их дом?.. Как же... «Большой был домик-то, под крышей срубов пять или шесть, да еще молельня староверческая на задах. Наверну комнат пять, внизу — омшаник и прочие службы. Хозяйство держали хорошее, жили многодетными семьями. Раскатило его, главный-то сруб увезли в Пушкино под Москву, а из пристройки наделади в Ескине сараек и бань. До сих пор стоят».

Леонид Леонов, вероятно, приехал сюда впервые в мае 1926 года. Приезд в Ескино совпал с его работой над второй частью романа «Вор». В статье «Фотострат» писатель подтверждает: «Весной я забрел со своим «Тессаром» (марка фотоаппарата. — В. Д.) в одну ярославскую деревню на родине матери». «Забрел», конечно, сказано не совсем точно — он в то время жил в Ескине, и не один месяц. Здесь и услышал интересную историю, которую записала исследовательница творчества Леонова и которую мы оборвали несколько выше: «Однажды Дорофей Иванович нашел в лесу медвежонка и нес его к себе в деревню. По дороге его обогнал соседский помещик и, видимо, так заинтересовался находкой, что старик подарил

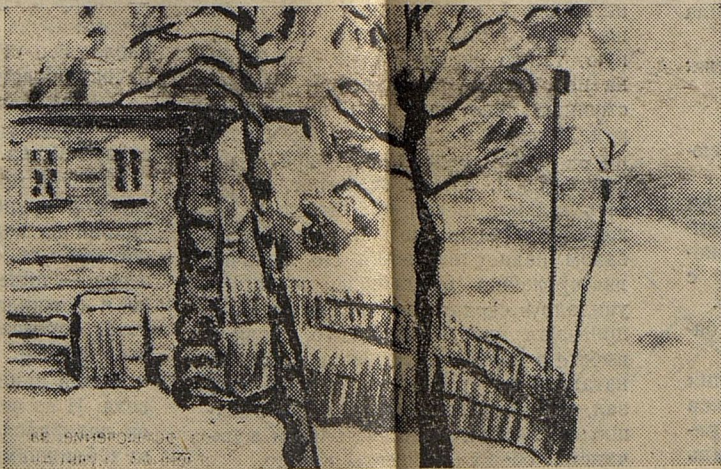
По другим данным, прапрадед писателя носил имя Петра Дорофеевича. Интересны и другие подробности его жизни, описанные в рассказе Е. Стариковой. Петр Дорофеевич Петров слыл богатым человеком — поставил в Москву своих и сибирских ярычников. Именно он построил ескинский дом. Достаток и позволил ему откупиться от помещика в начале XIX века. Петр Дорофеевич был грамотным человеком. Нашлась его большая переписка с сыном Яковом. На масляном же портрете, хранящемся у самого писателя, запечатлено его красивое лицо с живыми, выразительными глазами. Леонов добавляет: «Так Васнецов писал апостолов».

ему зверя. Этот помещик ехал в гости к барину Лисину, владельцу Петрова, и тот ужасно рассердился на своего крепостного, который обошел его принуждением. Накричав на него вдоволь, он приказал надеть на старика шейную рогатку — деревянный, на железной скобе хомут с торчащими во все стороны развилками, — так что ни сесть, ни лечь, ни в избу войти... Ночью Дорофей Петров упрямился кузнеца расковать его, отправился якобы в дремучий в тот век любимовский лес и во тьме нашел второго медвежонка, чтобы утром, снова в рогатке, отдаться от оевнивого барина. Кстати, в фотоархиве А. М. сохранился снимок ескинского пастуха 20-х годов, некоего Лисина, прямого потомка того помещика».

Не здесь ли, на родине матери, среди семейных преданий пришел к Леонову замысел романа «Соть»? Ведь его название он взял от местной речушки... Но тогда же, в лесах под Ярославлем, я наглядно убедился в «собираемости» прозы Леонова, где нет точно привязанного места действия, где события и факты жизни как бы сфокусированы в авторской идее, главенствующей над повествованием. Сам писатель выразился на сей счет довольно строго: «Невелика в литературе заслуга очевидца!» Это был важный урок, и он по-новому заставил посмотреть на «Соть».

Первые страницы романа были написаны летом 1927 года в Переславле Залесском. Знаменитый пейзаж, открывающий «Соть» («Лось пил воду из ручья. Ручей звонко бежал сквозь тишину. Была насыщена она радостью, как оправдавшаяся надежда»), писатель «нашел» еще раньше — в апреле 1927 года. По воспоминаниям А. Яковлева, «Леонов купил превосходное ружье Лебо, и мы начали ездить на охоту. Первая же поездка дала ему начало романа «Соть». Пейзаж тот же самый, что мы видели на охоте в Звенигородском районе близ Николиной горы». Память о той поездке жива и у Леонова. Он часто вспоминает ее: «Мы переправились через реку на лодке и попали в отрезанное от мира царство весны. Целый день ходили в больших болотных сапогах и не встретили ни одного человека. Вода стояла всюду — в поле, в лесу... все вокруг хлопало, говорило на любовном языке весны...».

Проза Леонова полифонична, она вбирает в себя не «слепок» природы, а само настроение от нее, впечатление. Вот почему в романе «Соть» природный мир выступает по союзнику нового человека, то жестоко сопротивляется всем его планам.

Художник Андрей МАКАРОВ — частый гость в деревне Ескино, что стоит у ярославской реки Соть. Один из его пейзажей — «Первый снег».

В ноябре 1929 года Леонид Леонов закончил работу над романом «Соть», главной темой которого стал показ героики первой пятилетки, участия крестьянских масс в строительстве новой жизни. Действие «Соти» разворачивается в самый канун коллективизации деревни, а публикация романа в «Новом мире» совпала с историческим преобразованием села.

К своим тридцати годам Леонид ЛЕОНОВ — уже автор пятитомного собрания сочинений. Последним томом вышел роман «Соть».

На тех же полях полных вырастает и противоборство социальных стихий. Писатель видел, предчувствовал необходимость коренных перемен в народной жизни. Мрачноватый колорит его «Необыкновенных рассказов о мужиках» говорил сам за себя: архаика жизни должна уступить место новому. Но что стояло за этим новым?

А что стояло за «Русью уходящей», он к тому времени знал: сцены в глухом скиту на берегах Соти имеют символическое значение. Здесь доживают свои последние дни обитатели прежнего мира. В северной Фивиаде плетутся заговоры против вторжения нового, происходит разложение, бесконечные споры, разлад. Леонову необходимо было «оттенить» скитскую жизнь, и он сделал это резкими и плакатными мазками. В глухомань врывается новый человек — строитель Соти.

Свое время писатель чувствовал остро. «Работать надо, — писал он в те годы, — делать вещи, пирамиды, мосты и все прочее, что может поглотить у человечества скопившуюся силу. России пора перестать страдать и ныть, а нужно жить, дышать и работать много и метко». Примером «меткой» работы стало для Леонова строительство двух бумажных комбинатов на реке Сясь («Сясыстрой») и в Балахне, начатое в 1926 году. Отложив на время написанные «куски» нового романа, писатель осенью-зимой 1928 года не раз выезжает в те края. Спустя 30 лет он вспоминал: «...Меня страшно поразил размах строительства Балахнинского бумажного комбината... На территории мы дошли до машины, которая превращала бревна в щепу... К машине было приставлено два мужика из местных жителей.

Они должны были следить, чтобы бревна не заклинивались. Будто зачарованные, безотрывно глядя на них, как березовые комли таяли на их глазах. Сверхъестественная мощь машины поражала их». В одном этом эпизоде заключалась главная мысль романа, правда, со всей своей ясностью выраженная самим автором: «История столкновения наступающей новизны с российской архаикой».

Соть глобальная идея, на разрешение которой не отважился в те годы еще ни один писатель, принесла на страницы романа и эпическое дыхание. Торжественным, летописным слогом написана «Соть». «Коллективная душа» русского крестьянства загворила в полный голос. Все эти «кря-занские пыльщики да стеклышки», «вятские да тверские камешки и печники», «смешливые вологодские штукатуры», «костромские маляры», «прославленные владимирские плотники» пришли на берега Соти строить новую жизнь. Необходимость такой перемены ощущалась «снизу», «изнутри». Замечательная сцена «веселого разгула ломки» старой деревни Макарихи, и особенно эпизод сноса векового красильникового дома: «Не людьми ставлено, видите ли что: железом звенит! Не, нонешнему топору старого дерева не взять: искра пойдет!» — «А ну его к черту, спалить его!»

Не простые вопросы решаются писателем в этих полных символического значения сценах. «Давление времени», по словам Леонова, приходилось прежде всего на человека. Выстоит ли, не сломится ли? Впереди предстояли новые испытания, и главное из них — война, доказавшая силу и прочность народного характера, его жизнелюбие и нравственную чистоту. Основа же этих качеств закладывалась тогда, на Соти.

«Строительное» начало романа не могло не заметить и его первые читатели. А. М. Горький писал, что «Соть» — «самое удачное вторжение подлинного искусства в подлинную действительность». Роман написан «симфонически стройно», а характеры и события типичны для того времени. Высокая горьковская похвала имела, думается, и свою предысторию. Приступая к работе над «Сотью», Леонов выезжал в Сорренто к Горькому. Может, в их беседах и обговаривался общий замысел романа? «Слова Горького, — пишет Леонов, — вдохновляли меня, поднимали, я садился за «Соть» с легким сердцем, шел на тему смело, во фронт».

С тех пор прошло пятьдесят лет. Устарел ли роман? Ушли ли в прошлое его герои? Ломка, которая началась на берегах северной реки, продолжается и по сей день на реальной ярославской Соти.

Не так давно я был на одном из северных бумкомбинатов — Сыктывкарском лесопромышленном комплексе. Еще лет десять назад на месте гигантского предприятия стояла ветхая деревенка Слобода. Сейчас же мощные бумагоделательные машины накручивают на свои валы почти треть типографской бумаги страны. Есть на фабрике и «машина, которая превращает бревна в щепу», имеются и другие чудеса техники. Но нет прежних удивленных мужиков — им на смену пришли их дети, которые в белых халатах «колдуют» над пультами управлений механизированных линий.

Меняются времена, а труд остается. И вновь наша литература, уже на новом своем этапе, обратилась к теме переустройства деревенской жизни. «Переключки» с леоновским романом все чаще встречаются в современной прозе — Сотьстрой и Нечерноземье, Макариха и Матера...

Проза Леонова учит думать. Она не в прошлом, а в будущем.